О бытовании формулы « $2 \times 2 = 4$ » в русской классике и о ее возможных истоках

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-012-90043 «Анализ, интерпретации и понимание
как методологические установки в изучении наследия Достоевского»*

Аннотация: Формула $2 \times 2 = 4$ воспринимается как некая элементарная «научная» истина и поныне. Вместе с тем, сомнения в непреложности этого примера появились уже в XIX в.: у Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, В. Ф. Одоевского и других. Возможными истоками бытования этой формулы в русской литературе могли быть католическая схоластика, имеющая богатые традиции доказательства бытия Божия через математические истины; немецкая классическая философия, также склонная основывать идеализм на рационализме; французский материализм, в котором, напротив, «математика» вытесняет божественное, делая его «излишним». Но эти направления влияли на русскую классику скорее «от противного», создавая поле для полемики. Истоки же ее иррациональной «арифметики», зачастую предпочитающей очевидности $2 \times 2 = 4$ парадоксальное $2 \times 2 = 5$, следует искать в Евангелии и православной грибнице русской культуры. Анализ произведений русских писателей показывает, что $2 \times 2 = 4$ становится для них символом рациональности; $2 \times 2 = 5$ — тем нарушением очевидности, за которым скрывается иррациональное восприятие мира, вера в Божий промысел о человеке. По сути своей эта оппозиция имеет глубокие корни в русской культуре и восходит к представлениям о Законе и Благодати.

Ключевые слова: $2 \times 2 = 4$, $2 \times 2 = 5$, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, В. Ф. Одоевский, рациональное и иррациональное, Закон и Благодать.

Информация об авторе: Сытина Юлия Николаевна, ORCID 0000-0001-6334-4722 — кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный областной университет, ул. Радио, д. 10а., 105005, г. Москва, Россия

E-mail: yulyasytina@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 07.05.2019

Дата публикации статьи: 27.07.2019

Для цитирования: Сытина Ю. Н. О бытовании формулы « $2 \times 2 = 4$ » в русской классике и о ее возможных истоках // Два века русской классики. 2019. № 1. С. 128–147. DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-1-128-147

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019. Yuliya N. Sytina
Moscow, Russia

The formula “two times two is four” in the Russian classics and its possible origins

*The research is executed with financial support of the RFBR,
project No. 18-012-90043 “The analysis, interpretations and understanding as
methodological installations in studying of heritage of Dostoyevsky”*

Abstract: The formula $2 \times 2 = 4$ is considered to be the basic “scientific” truth till now. However, doubts about the immutability of this example already appeared in the XIX century. F. Dostoevsky, I. Turgenev, V. Odoevsky and others expressed these doubts. Possible origins of this formula in Russian literature are Catholic scholasticism (it has a rich tradition of proving the existence of God with the help of mathematical facts), German classical philosophy (it often bases idealism on rationalism), French materialism (instead, it denies religion with the help of mathematics). But these directions have had a contradictory impact on Russian classics, creating the theatres for polemics. The “two times two is four” becomes a symbol of rationality in Russian literature. The opposite to it is the formula “two times two is five”. It is a symbol of irrational perception of the world, Faith in God’s Providence. The opposition of these formulas has deep roots in Russian culture and goes back to Gospel and the opposition of Law and Grace.

Keywords: $2 \times 2 = 4$, $2 \times 2 = 5$, F. Dostoevsky, I. Turgenev, V. Odoevsky, the rational and the irrational, Law and Grace.

Information about the author: Yuliya N. Sytina, PhD in Philology, Associate Professor, Moscow Region State University, Radio st. 10a, 105005, Moscow, Russia

E-mail: yulyasytina@yandex.ru

Received: May 7, 2019

Published: July 27, 2019

For citation: Sytina Yu. N. The formula “two times two is four” in the Russian classics and its possible origins. Two centuries of the Russian classics, 2019, vol. 1, no 1, pp. 128–147. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-1-128-147

Формула $2 \times 2 = 4$ и сегодня воспринимается в массовом сознании как некая элементарная «научная» истина, и потому всякие сомнения на ее счет выглядят странно и вызывающе. Став своего рода эмблемой «рационального» и логического сознания, она порою приводится в укор «иррациональной», лишенной подобной «однозначности» вере, как это делает, например, Владимир Познер в беседе с протоиереем Максимом Козловым в рамках передачи «Не верю! Разговор с атеистом» на телеканале «Спас» [*«Не верю!..»:web*].

Однако сомнения в универсальной истинности $2 \times 2 = 4$ появились уже давно. Как отмечает Э. В. Ильенков в работе, адресованной широкому кругу читателей еще в 1977 г., за «очевидностью» в данном случае кроется «поистине диалектическое коварство»: «чем “абсолютнее”, чем “безусловнее” и “самоочевиднее” та или другая “абстрактная истина”, тем более серьезного подвоха надо ждать с ее стороны». В частности, $2 \times 2 = 4$ верно лишь тогда, когда «умножению (сложению) подвергаются абстрактные единицы (одинаковые значки на бумаге) или “вещи”, более или менее на них похожие, <...> непроницаемые друг для друга тела. Сложите вместе две и две капли воды — и вы получите всё, что угодно, но не четыре». Тем более сомнительны подобные выводы в мире человеческих отношений: «Любой реальный — конкретный — процесс, будь то в природе или в обществе, всегда представляет собой сложнейшее переплетение различных тенденций, выражаемых различными законами и формулами науки» [*Ильенков: web*].

Замечено это было уже в XIX в., но тогда еще не представлялось столь самоочевидным. Так, В. Ф. Одоевский в «Русских ночах» пишет о ложности «искусственных систем, которые, подобно гегелизму, начинают науку не с действительного факта, но, например, с чистой идеи, с отвлечения отвлечения» [Одоевский, 1975: 136; курсив Одоевского. — Ю.С.]. В конце XIX в., когда неевклидова геометрия перевернула прежние представления о мире, а затем уже в XX в. с развитием теории

относительности прежняя «рациональность» оказалась подорванной, что привело к массовому отходу от казавшихся ранее незыблемыми «очевидностей». Например, об абстрактности, и потому условности, научных «истин» размышляет А. Ф. Лосев в «Диалектике мифа», говоря о «мифологичности» науки и заявляя, что «мифологична» «не только “первобытная”, но и всякая» наука [Лосев: 45]. Для русского философа открытый Эйнштейном «принцип относительности», помимо прочего, «снова делает возможным <...> чудо» [Лосев: 48].

Возвращаясь к истокам вопроса, нужно отметить, что проблема связи математики и философии возникла еще до нашей эры, ярчайшим ее представителем стал Пифагор, в античные времена к ней обращался Плиний Старший. В христианской культуре к математическим формулам в их связи с доказательством бытия Божия прибегали Фома Аквинский [Фома Аквинский: 95], Николай Кузанский [Николай Кузанский: 64–66], Аврелий Августин, Рене Декарт и другие мыслители [см.: Бубнов; Неклюдова]. Для французского философа Н. Мальбранша, как отмечает К. А. Баршт, именно $2 \times 2 = 4$ «было доказательством бытия Бога, и, одновременно, реальности существования Истины» [Баршт: 97]. В. А. Губайловский пишет, что «и Спиноза, и Декарт, и Лейбниц, и Шеллинг предпринимали попытки сведения философского рассуждения к математической форме», но эти пробы, по мнению исследователя, «выглядят не слишком убедительно», в частности по причине, уже отмеченной выше: «объекты, которыми оперируют философы, — содержательны», а «если в доказательство включается содержательная интерпретация, это сразу приводит к парадоксу» [Губайловский: 54].

В целом традиция доказательства бытия Бога через незыблемость математических исчислений характерна именно для католицизма. Православию же больше свойственна иррациональность, выход за пределы формальной логики. Показательно, например, что Николай Кузанский — пусть не прямо, но косвенно — выступил против томизма, «вышел за пределы аристотелевской логики, а также космологии и физики» [Тажуризина: 13], именно благодаря тому, что «побывал в православной Византии, где имел возможность читать греческие рукописи и познакомился с неоплатонизмом» [Бубнов: 34].

«Математика» и строгая детерминированность «закона» оказываются чужды русской ментальности, сформировавшейся под ключевым влиянием Православия. Существует немало высказываний писателей

XIX в. на этот счет [см.: *Виноградов; Есаулов, 2004; Сытина; Тарасов*]. Например, М. П. Погодин пишет: «Все западные государственные учреждения основаны на законе оппозиции, <...> а коренные русские учреждения предполагают совершенную полюбовность. Там все подчиняется форме, и форма преобладает, а мы терпеть не можем никакой формы. Всякое движение хотят там заявить и заковать в правило, а у нас открыт всегда свободный путь изменению по обстоятельствам» [*Погодин*: 386]. Этот пункт станет одним из центральных для славянофилов, которые «ратовали за глубинную сущность явлений против мертвящего формализма; против казенных юридических норм и законов общества за естественные народные обычаи и народное мнение; против знаковости за живую первозданность» [*Егоров*: 268].

Что до формулы $2 \times 2 = 4$, то в русской литературе, судя по всему, она начинает бытовать в 1830-е гг. В частности, она появляется у В. Ф. Одоевского (в повестях «Княжна Мими», «Привидение», «Косморама», в романе «Русские ночи»), возникая как антитеза рационалистической философии. Одоевский был последовательным и непримиримым критиком рационализма и позитивизма — как в науке, так и в жизни, его размышления на этот счет прорастут и в XX в., например, у А. Ф. Loseва [*Тахо-Годи*: 115]. В «Русских ночах», о чем уже говорилось выше, Одоевский с иронией пишет о философии, претендующей на разрешение всех вопросов бытия, — жизнь оказывается сложнее любых силлогизмов. Непререкаемая вера в $2 \times 2 = 4$ становится у писателя метафорой ограниченности мышления, принципиально важным для Одоевского оказывается утверждение поэтического начала в жизни, необходимость «бесполезного», полезное же ($2 \times 2 = 4$) воспринимается им как могильная плита позитивизма и рационализма, угрожающая гибелью человечеству.

Наиболее яркий пример развенчания непреложности $2 \times 2 = 4$ у Одоевского встречается в повести «Косморама» (1840). Композиционно она делится на рукопись молодого человека, в которой тот рассказывает необычайные мистические происшествия своей жизни, и на предисловие «издателя» этой рукописи. Именно в предисловии оборотистый журналист, стремящийся угодить вкусу «просвещенной» публики, пишет: «Спешу порадовать читателей известием, что я готовлю к рукописи до *четырехсот* комментариев, из которых *двести* уже окончены. В сих комментариях все происшествия, описанные в рукописи, объяснены как *дважды два — четыре*, так что читателям не остается ни

малейших недоразумений» [Одоевский, 1840: 34; курсив мой. – Ю.С.]. Комментарии эти так никогда и не будут написаны, более того, едва ли они и предполагались Одоевским. Претензия «издателя» на полное «ученое» объяснение жизни оказывается смешной и неисполнимой, и свидетельствует, прежде всего, о пошлости и ограниченности подобного рационалистического взгляда на мироздание. Одоевский явно иронизирует над издателем, что подчеркивается игрой чисел (200 комментариев из 400 — как $2 \times 2 = 4$).

Другим источником $2 \times 2 = 4$ у Одоевского оказывается вольтерьянство и шире — французский материализм, где традиция бытования формулы развивается в ином, отнюдь не идеалистическом аспекте. Герой фантастической повести Одоевского «Приведение», «вольтерьянец старого века», любил говаривать: «я верю только в то, что дважды два четыре» [Одоевский, 1838: 781]. Однако затем сам стал свидетелем необычайных событий, убедившись на практике в несводимости жизни к рациональным выкладкам.

Во французской литературе $2 \times 2 = 4$ появляется, например, в «Дон Жуане» Ж. Б. Мольера. Рассуждая о «математической проблеме» в этой комедии, М. С. Неклюдова исследует возможные источники (предсмертную шутку Морица Оранского и другие) выражения Дон Жуана «Я верю, что дважды два — четыре, Сганарель, а дважды четыре — восемь» [Мольер: 538]. Как убедительно пишет исследовательница, эта формула в устах Дон Жуана однозначно свидетельствует об его атеизме: «Утверждая, что “дважды два — четыре”, он указывает на наличие в природе законов, для объяснения которых не обязательно прибегать к идее божественного Провидения» [Неклюдова: 27]. Однако, рассуждая в целом о бытовании этой формулы в мировой культуре, Неклюдова отмечает, что она в иных случаях, например, «будучи помещенной в картезианский контекст, может, хотя и с некоторой натяжкой, быть интерпретирована как выражение рационалистической веры (раз дважды два — четыре, следовательно, Бог есть)» [Неклюдова: 28]. Исследовательница кратко обращается и к русской литературе, в частности, к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя, и делает вывод, что «выражение “дважды два – четыре” вольно или невольно приводит в действие определенный ход рассуждений, неизбежно подводящий к вопросу о существовании Бога <...> “дважды два” соседствует с утверждениями “Бог есть” или “Бога нет”» [Неклюдова: 35].

В начале 1840-х гг. $2 \times 2 = 4$ появляется в разговорах и переписке И. С. Тургенева и В. Г. Белинского. Как отмечает венгерская исследовательница А. Дуккон, насущная для русской мысли этого времени проблема соотношения действительности и мечты формулируется Тургеневым и Белинским «как “ $2 \times 2 = 4$ или $2 \times 2 = 5$ ”, под чем следует понимать “реализм” и “романтизм” в широком смысле слова» [Дуккон, 1994: 60]. Белинский, о чем ранее писал и Л. Шестов [Шестов: 20], негодовал против генерализации, умаления и растворения отдельной личности перед Всеобщим. Однако он же воспринимал систему Гегеля, а затем идеи французских утопистов как истину, вынося жестокий приговор уже самому себе. Что до Тургенева, то он употребляет эту формулу по-разному. В статье 1844 г. о переводе «Фауста» Гёте он с пренебрежением пишет о «самолюбивой, робкой или ограниченной критике людей, которым не хочется быть просто непосредственными натурами и между тем страшно или тяжело дойти до результатов собственных размышлений, — людей, которые целый век твердят дважды-два и никогда не скажут четыре или скажут, наконец, пять и будут хитро и многословно доказывать, что оно иначе и быть не могло» [Тургенев, 1978. Т. 1: 198–199]. Дуккон усматривает в этом высказывании намек на непоследовательную критику Белинского, но отмечает, что у самого Тургенева «несколькими страницами ниже <...> меняется положение вышеупомянутой формулы, и иллюстрирует она теперь не такую уж положительную черту характера» [Дуккон, 1994: 64], а именно — простоту и посредственность Гретхен. По мнению исследовательницы, «молодой Тургенев то решает вопрос в пользу “реализма” ($2 \times 2 = 4$), то как раз наоборот, формула сигнализирует у него посредственность, прозаическую ограниченность или боязнь жизни и любви» [Дуккон, 1994: 61].

В «Отцах и детях» Тургенев вновь обращается к $2 \times 2 = 4$: здесь эта формула становится эмблемой теории Евгения Базарова. Убеденный нигилист утверждает: «Важно то, что дважды два четыре, а остальное все пустяки» [Тургенев, 1981. Т. 7: 43]. Другие герои спорят с ним, говорят о значении искусства, любви, веры, но тот не принимает их доводов. Главным оппонентом Базарова становится сама жизнь. Полюбив Анну Одинцову, он вдруг по-новому открывает для себя мир, который больше не укладывается в $2 \times 2 = 4$.

Однако следует ли из этого, что теперь Тургенев окончательно отказывается от истинности $2 \times 2 = 4$? Как представляется, двойственность

позиции, отмеченная А. Дуккон, все еще остается характерной для писателя. $2 \times 2 = 4$ для Тургенева — еще и залог равновесия и стабильности, которые он так ценил в западноевропейском мире. Швейцарский ученый Ф. Ф. Ингольд в статье «Дважды два равно пять» [Ingold:web] с подзаголовком «о причудливой арифметике “русской души”» отмечает, что русское отношение к формулам $2 \times 2 = 4$ и $2 \times 2 = 5$ и тому, что они подразумевают, «отлично от западного: русский, в отличие от европейца, предпочитает иррациональный способ мышления» [Кузнецов: 401]. Европейскому же сознанию дорого $2 \times 2 = 4$ и не понятно $2 \times 2 = 5$. Дороги рациональность и планомерность были и «западнику» Тургеневу.

Только в позднем творчестве, вновь обратившись к формуле $2 \times 2 = 4$, писатель выскажется на ее счет однозначно. В «Молитве» 1881 года он пишет: «О чем бы ни молился человек — он молится о чуде. Всякая молитва сводится на следующую: “Великий Боже, сделай, чтобы *дважды два не было четыре!*”» [Тургенев, 1982. Т. 10: 172; курсив мой. – Ю.С.]. Доказывая непреложность того, что возможно нарушение $2 \times 2 = 4$, Тургенев обращается к Шекспиру («Есть многое на свете, друг Горацио...») и к Евангелию — к словам Пилата: «Что есть истина?», и ответному молчанию Христа, Который как Сын Божий и есть воплощенная Истина. Истина Нового Завета, где утверждается превосходство Благодати над Законом, чуда над «реальностью».

Христоцентризм — важнейшая составляющая русской культуры в целом [см.: Есаулов, 1998; Есаулов, 2004; Захаров, 2001]. В Евангелии немало примеров нарушения математических расчетов и «законничества» — притчи о виноградарях, о талантах, о блудном сыне. Именно в Евангелии — корни миропонимания Достоевского, в том числе и его отношения к «арифметике». Пожалуй, самое яркое и провокационное неприятие $2 \times 2 = 4$ появляется именно у этого писателя — в размышлении «человека из подполья».

Подпольный парадоксалист с возмущением опровергает доводы «положительной» науки и «здорового смысла»: «Уж как докажут тебе, например, что от обезьяны произошел, так уж и нечего морщиться, принимай как есть» [Достоевский, 1973. Т. 5: 105]. Однако он отказывается примириться с этой «каменной стеной»: «Я согласен, что дважды два четыре — превосходная вещь; но если уже всё хвалить, то и дважды два пять — премилая иногда вещьца» [Достоевский, 1973. Т. 5: 119]. Сам подпольный человек как живой парадокс и нарушение всех раци-

ональных представлений о homo sapiens служит лучшей иллюстрацией принципа: $2 \times 2 = 5$. Противно всякой «бытовой, эгоистической логике» [Топоров: 143], которая в мире Достоевского соотносима с «эвклидовым» разумом и рациональным $2 \times 2 = 4$, ведут себя и другие его герои: Прохарчин, Раскольников, Мышкин, Дмитрий Карамазов...

В бунте подпольного человека проступают возражения самого Достоевского рационалистам, прежде всего, по мнению Л. Шестова, И. Канту и Г. В. Ф. Гегелю: «Там, где умозрительная философия усматривает “истину”, <...> там Достоевский видит “нелепость нелепостей”. Он отказывается от водительства разума и не только не соглашается принять его истины, но <...> обрушивается на наши истины; откуда они пришли, кто дал им такую неограниченную власть над человеком?» [Шестов: 22]. О неприятии Достоевским философской генерализации и «представления об истине как об рационалистической объективации» пишет Т. Горичева, отмечая, что если Гегель за «статистический закон больших чисел, за общее против фрагментарного и исчезающего», то Достоевский — напротив, «за бесконечно малое органической жизни» [Горичева: 41].

Исследователи находят связь между бунтом подпольного человека Достоевского и исканиями Белинского. По мнению А. Дуккон, обращение к формуле « $2 \times 2 = 4$ » свидетельствует, что «каприз подпольного человека и бунт его против окончательной, безапелляционной правды явно восходят к Белинскому: Достоевский бессознательно воспроизводит сущность духовных исканий Белинского» [Дуккон, 2013: 15]. Ссылаясь на польского литературоведа Гжегожа Пшебинду, А. Дуккон констатирует, что в критике Белинского «влияние эстетической системы Гегеля» сочетается с «наличием евангельского начала», и именно в последнем — корень интереса Белинского к ««единственности», уникальности каждого отдельного человека» [Дуккон, 2013: 7].

Формула $2 \times 2 = 4$ в качестве эмблемы материалистических взглядов на природу человека — сквозной мотив романа «Преступление и наказание». Как известно, Раскольников придумывает теорию, согласно которой можно совершить преступление во благо общества: цель оправдывает средства. Он «арифметически», то есть как $2 \times 2 = 4$, доказывает себе ее, хотя ««предприятию» героя оказывает сопротивление само его человеческое естество» [Тихомиров: 26]. Н. Нейчев размышляет на этот счет: «<...> “отходя” от Бога, герой теряет внутреннюю духовную

опору, впадает под идейное влияние рассудочного — самую коварную область, где “дважды два — четыре”, где нет чувств, нет веры, а только сухая арифметика “эвклидоваго разума” — особый дьявольский периметр, дающий уверенность и силу человеку превратиться в мерную единицу “всех вещей в мире”, жить без Бога» [Нейчев: 232].

О невозможности делать подобные расчеты прямо говорит Раскольникову Соня Мармеладова: «И кто меня тут судьей поставил: кому жить, кому не жить?» [Достоевский, 1973. Т. 6: 313]. Раскольникову такие вопросы представляются наивными, он зовет Соню с собой, очень логично разворачивая передней ее безрадостное будущее («три дороги»: «броситься в канаву, попасть в сумасшедший дом, или... или, наконец, броситься в разврат» [Достоевский, 1973. Т. 6: 247]), да и будущее Полечки. На все рациональные соображения Раскольникова у Сони есть только один — иррациональный — довод: «Бог, Бог такого ужаса не допустит!» [Достоевский, 1973. Т. 6: 246]. По сути, это те же слова Тургенева в «Молитве»: «Великий Боже, сделай, чтобы дважды два не было четыре!». И в художественном мире романа оказывается именно так: Бог не попускает. Соню и Раскольникова «воскресила любовь» [Достоевский, 1973. Т. 6: 421]. Таким образом, при всех разногласиях в «малом времени», в главном Достоевский и Тургенев, в конечном счете, оказываются согласны — и согласие это прорывается именно в «большом времени» русской культуры.

Особую роль в судьбе Раскольникова и в сделанном им выборе играет следователь Порфирий Петрович. Разговаривая с Раскольниковым, он напирал на математику, в его речи трижды встречается формула $2 \times 2 = 4$ («такую уличку достать, чтоб на дважды два — четыре походило!» [Достоевский, 1973. Т. 6: 260]; «наделает чего-нибудь, что уже на дважды два походить будет» [Достоевский. Т. 6: 261]; «математическую штучку, вроде дважды двух, приготовит» [Достоевский, 1973. Т. 6: 262; курсив мой. — Ю.С.]). Однако у Порфирия Петровича эта настойчивая декларация важности «арифметики» оказывается притворной «игрой слов» [Тихомиров: 302]. Как отмечает Г. Мейер, «в разговорах Порфирия с идейным убийцей важна не выставленная напоказ, обильно разукрашенная психология, служащая для сути дела всего лишь необходимой декорацией, но первостепенно в них то, что обретается за нею: уходящее в глубь веков духовное знание России и мучительная тревога за ее будущее» [Мейер: 276]. Порфирий Петрович делает вывод о вино-

вности Раскольникова не на рациональных уликах, но на чем-то неуловимом, интуитивном, на знании природы человеческой и остром чувстве опасности мировоззренческих сдвигов своего времени — именно на $2 \times 2 = 5$. Сам Раскольников также попадает не на $2 \times 2 = 4$, но именно на $2 \times 2 = 5$ — берет свое его натура, совесть, герой «безуспешно пытается “арифметически” подчинить себе трагически противостоящую ему действительность» [Тихомиров: 54].

Нежелание принимать $2 \times 2 = 4$ за истину в последней инстанции служит прекрасной иллюстрацией реализма «в высшем смысле» Достоевского. В. Н. Захаров, рассматривая отношение писателя к этой формуле, приходит к выводу: «Достоевский отрицал традиционную поэтику, которая основана на непреложности закона “дважды два четыре”. Дважды два пять — один из тех принципов его поэтики, который позволял ему выражать и доводить до читателя заветные идеи, в том числе возглашать осанну в горниле сомнений, утверждать вековечный идеал вопреки “математическим” опровержениям свободы, Бога, Христа» [Захаров, 2011: 113]. В мире Достоевского $2 \times 2 = 4$ становится символом рациональности; $2 \times 2 = 5$ — тем нарушением очевидности, за которым скрывается иррациональное восприятие мира, вера в Божий промысел о человеке. По сути своей, как уже было отмечено, эта оппозиция имеет глубокие корни в русской культуре и восходит к представлениям о Законе и Благодати [Есаулов, 2017: 13–42].

Однако было бы неверно обобщать и делать вывод о неприятии $2 \times 2 = 4$ как о национальной русской черте, поскольку не для всякого русского сознания приемлемо $2 \times 2 = 5$. В. Н. Захаров, размышляя об «арифметическом измерении» философских споров Достоевского и Н. Н. Страхова, отмечает, что, «казалось бы, праздный вопрос, сколько будет дважды два, рассорил Достоевского и Страхова на всю жизнь» [Захаров, 2011: 110]. Страхову $2 \times 2 = 4$ было дорого; этот принцип представлялся ему основополагающим и необходимым: «Верите ли вы в непреложность чистой математики? Убеждены ли вы в том, что эти и подобные истины справедливы всегда и везде, и что сам Бог, как говорили в старые времена, не мог бы сделать дважды два пять, не мог бы изменить ни одной из таких истин? Я убежден в этом, и полагаю, что и вы убеждены; так что, как ни любопытно и важно разъяснение того, на чем основано это убеждение, можно покамест отложить это разъяснение» [цит. по: Захаров, 2011: 112]. Следует заметить, что и исследовате-

ли, в целом комплементарные мировоззрению Достоевского, не всегда принимают формулу $2 \times 2 = 5$. Так, Г. С. Померанц, размышляя о том, что известные слова Достоевского о Христе и об истине соотносимы с оппозицией земного «эвклидовского» сознания и высшего, «неэвклидовского» иконического постижения бытия, полагает, что «на пути к иррациональной истине Целого очень легко спотыкнуться: $2 \times 2 = 5$, в качестве общего правила, пожалуй, хуже, чем $2 \times 2 = 4$ » [Померанц: 198].

Также нужно заметить, что способность сомневаться в $2 \times 2 = 4$ в русской литературе порою появляется в ироничном контексте выступает не как признак гибкости и широты ума, но как иллюстрация женской логики. Так, герой романа Тургенева «Рудин» женоненавистник Пигасов размышляет: «Мужчина может сказать, что дважды два не четыре, а пять или три с половиною, а женщина скажет, что дважды два — стеариновая свечка» [Тургенев, 1980. Т. 5: 214]. Есть такой пример и у Достоевского: «Спорить с этой барыней было невозможно: дважды два для нее никогда ничего не значили» [Достоевский, 1974. Т. 9: 26], — характеризует рассказчик «Вечного мужа» «роковую женщину». Подобные высказывания встречаются и в западноевропейской литературе. Например, у Дж. Элиот: «Женщина верит, что дважды два будет пять, если хорошенько поплакать и устроить скандал» [Элиот:web].

В неоднозначный контекст помещает формулу $2 \times 2 = 4$ Ап. Григорьев. В статье, написанной как письмо Тургеневу, он размышляет: «Резонанс решительно противно всякому, чье мышление осиливает истины хоть немного более сложные, чем $2 \times 2 = 4$. Есть мышления, да и не женские только, <...> в которых 2×2 дают не 4, а стеариновую свечку» [Григорьев: 29]. Тем самым, признавая за формулой $2 \times 2 = 4$ некоторую «истинность», критик не считает ее исчерпывающей и ратует за «истины хоть немного более сложные, чем $2 \times 2 = 4$ », то есть выходящие за математическое измерение жизни.

В заключение стоит привести, пожалуй, самый радикальный пример отношения к 2×2 , когда отвергается вообще всякая математика. Так, в повести Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский» юный герой размышляет: «Вместе с прочими науками одна честь была у меня и пресловутой арифметике, которую доmine Галушкинский уверял, что сочинил какой-то китаец Пифагор, фамилии не припомню. Если бы, говорит, он не изобрел таблицы умножения, то люди до сих пор не знали бы, что $2 \times 2 = 4$. Конечно, доmine Галушкинский говорил по-у-

ченому, как учившийся в высших школах; а я молчал да думал: к чему трудился этот пан Пифагор? К чему сочинял эти таблицы, над которыми мучились, мучатся и будут мучиться до веку все дети человеческого племени, когда можно вернее рассчитать деньги в натуре, раскладывая кучками на столе?» [Квитка-Основьяненко: 86]. Такого же мнения о науках придерживается и сердобольная маменька Халявского. Однако и этих, по-своему ограниченных и недалеких героев, преобразует *иррациональное* искусство.

Таким образом, в русской литературе отношение к формуле $2 \times 2 = 4$ становится сложным философским вопросом, имеющим онтологический, сущностный характер. По-видимому, как традиции, в которых бытие Бога подкрепляется незыблемостью математических истин (католическая схоластика, немецкая классическая философия с присущим ей рационализмом), так и «математическое» отрицание бытия Божия (французский материализм) оказали влияние на развитие «арифметики» русских писателей, но влияние по большей части «от противного», создав поле для размышлений и полемики. Доминантным для русской культуры следует признать неприятие «законничества» формулы $2 \times 2 = 4$. Это неприятие в основе своей восходит к Евангелию, к новозаветному предпочтению Благодати перед Законом, к убежденности в первостепенной важности веры и милосердия, а не рационального научного познания и непреклонной «законнической» логики. При чем неприятие $2 \times 2 = 4$ в русской культуре воспринимается не как *разрушение* иерархии и торжество энтропии над космосом, а напротив — как *созидание* космоса и гармонии, торжество Благодати.

В XX в. отношение к $2 \times 2 = 4$ изменится — тоталитаризм отменит непреложность этой формулы, и тогда уже она станет той чаемой элементарной истиной, знание которой — залог верности себе. А. И. Солженицын, критикуя советский «научный» подход к изучению почвенников и славянофилов, полемически замечает в скобках: «Ах, не смешили б вы кур “вашей наукой”! — дважды два сколько назначит Центральный Комитет...» [Солженицын: 272] Напротив, $2 \times 2 = 5$ вместо возвышения над «эвклидовым» разумом станет восприниматься как его искажение, так как деформирована будет сама действительность [Есаулов, 2015: 445–458]. Именно в таком ключе появляется $2 \times 2 = 4$ в романе Дж. Оруэлла «1984» (как отмечают исследователи, обращение к этой формуле вызвано советским лозунгом

«пятилетка в четыре года» [*Дважды два — пять:web*]), где формула $2 \times 2 = 5$ как бы переводится на «новояз» по принципу «Война — это мир! Свобода — это рабство! В невежестве — сила!» [*Оруэлл: 13*]. И то, что у Достоевского является актом свободной воли и независимой мысли, у Оруэлла становится навязанной «старшим братом» абсурдностью, подчинением воле своего рода «Великого инквизитора» (благодарю за эти примеры Н. Т. Ашимбаеву и И. А. Есаулова — Ю.С.). Так банальное в «обычном» мире $2 \times 2 = 4$ в эпоху тотального господства определенной идеологии обретет статус желаемой истины. Возможно, и современная приверженность этой формуле, о которой говорилось в начале статьи, также обусловлена подсознательным отталкиванием от «новоязовских» «истин».

Список литературы

1. «Не верю! Разговор с атеистом» на телеканале «Спас» [Электронный ресурс]. // Телеканал «Спас» URL: <https://m.youtube.com/watch?v=IDnwPZLfF1Q> (дата обращения 25.04.2019).
2. Баршт К. А. Имя и философия Николая Мальбранша в черновых записях и произведениях Достоевского // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 94–105.
3. Бубнов Е. С. Эвристическое влияние этики Ф.М. Достоевского на исследовательскую деятельность А. Эйнштейна // Инновационное образование и экономика. 2014. № 16(27). С. 32–35.
4. Виноградов И. А. Страсти по Гоголю. О духовном наследии писателя. М.: Вече, 2018. 320 с.
5. Горичева Т. М. Достоевский — русская «феноменология духа»... // Достоевский в конце XX века: Сб. статей. М.: Классика плюс, 1996. С. 31–47.
6. Григорьев Ап. Сочинения. Вып. 11. О национальном значении творчества А. Н. Островского: (две статьи). М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1915. 61 с.
7. Губайловский В. Геометрия Достоевского. Тезисы к исследованию // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: соврем. состояние изучения / под. ред. Т. А. Касаткиной; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. М.: Наука, 2007. С. 39–69.
8. Дважды два — пять [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B2%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D1%8B_%D0%B4%D0%B2%D0%B0_%E2%80%94%D0%BF%D1%8F%D1%82%D1%8C (дата обращения 25.04.2019).
9. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

10. Дуккон А. Дважды два четыре или пять? Проблемы «романтизма» и «реализма» в понимании молодого Тургенева и Белинского // И. С. Тургенев. Жизнь, творчество, традиции. Budapest, 1994. С. 60–68.
11. Дуккон А. Диалог текстов: «голос» В. Г. Белинского в «записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Культура и текст. 2013. №1 (14). С. 4–28.
12. Егоров Б. Ф. Славянофильство, западничество и культурология // Ученые записки Тартуского университета. 1973. Вып. 308. С. 268–275.
13. Есаулов И. А. Пасхальный архетип в поэтике Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 349–362.
14. Есаулов И. А. Постсоветские мифологии: структуры повседневности. М.: Академика, 2015. 608 с.
15. Есаулов И. А. Оппозиция Закона и Благодатии магистральный путь русской словесности // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте. М.: Индрик, 2017. С. 13–42.
16. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Круть, 2004. 560 с.
17. Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 5–20.
18. Захаров В. Н. Сколько будет дважды два, или неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 109–114.
19. Ильенков Э. В. Учитесь мыслить смолоду [Электронный ресурс] // Лит-Мир: электронная библиотека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=121922&p=1> (дата обращения 25.04.2019).
20. Квитка-Основьяненко Г. Ф. Пан Халявский. Ч. 1–2, СПб.: Тип. Фишера, 1840. 166 с.
21. Кузнецов С. А. Рецепция русской классической литературы в немецкоязычных славистических изданиях и прессе конца XX–начала XXI веков // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте / коллектив авторов под ред. И. А. Есаулова, Ю. Н. Сытиной, Б. Н. Тарасова. М.: Индрик, 2017. С. 385–427.
22. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
23. Мейер Г. А. Свет в ночи (О «Преступлении и наказании»). Опыт медленного чтения. Frankfurt/Main: Посев, 1967. 515 с.
24. Мольер Ж. Б. Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 2. М.–Л.: Academia, 1937. 745 с.
25. Нейчев Н. Таинственная поэтика Ф. М. Достоевского. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2010. 316 с.
26. Неклюдова М. С. Дважды два четыре, или Математическая проблема в «Дон Жуане» Мольера // Arbor Mundi (Мировое древо). М.: РГГУ, 2007. № 13. С. 9–40.
27. Николай Кузанский. Об ученом незнании // Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т. 1.: Перевод / Общ. ред. З. А. Тажурзиной. М.: Мысль, 1979. С. 48–185.

28. Одоевский В. Ф. Привидение // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1838. № 40. С. 781–784.
29. Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Издательство «Наука», 1975. 320 с.
30. Одоевский В. Ф. Косморама // Отечественные записки. 1840. Т. 8. Отд. 3. С. 34–81.
31. Оруэлл Дж. 1984. М.: Прогресс, 1984. 257 с.
32. Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 832 с.
33. Померанц Г. С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М.: Советский писатель, 1990. 384 с.
34. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. Paris: YMCA-PRESS, 1975. 630с.
35. Сытина Ю. Н. Соотношение России и Европы как центральная проблема саморефлексии русской литературы в первой половине XIX века // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте / коллектив авторов под ред. И. А. Есаулова, Ю. Н. Сытиной, Б. Н. Тарасова. М.: Индрик, 2017. С. 91–140.
36. Тажуригина З. А. Николай из Кузы // Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Перевод / Общ. ред. З. А. Тажуригиной. М.: Мысль, 1979. С. 5–46.
37. Тарасов Б. Н. Куда движется история? (Метаморфозы идей и людей в свете христианской традиции). СПб.: Алетейя, 2001. 348 с.
38. Тахо-Годи Е. А. Творчество А. Ф. Лосева и литературно-философские искания В. Ф. Одоевского // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 113–121.
39. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
40. Топоров В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. С. 193–258.
41. Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12 т. М.: Наука, 1978–1982.
42. Фома Аквинский. Сумма против язычников. Книга вторая. Перевод и примечания Т. Ю. Бородай. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. 584 с.
43. Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М.: Прогресс — Гнозис, 1992. 311 с.
44. Цитаты и высказывания Джорджа Элиота // Цитаты и афоризмы. [Электронный ресурс] — URL: <http://citaty.su/citaty-i-vyskazyvaniya-dzhordzha-eliota> (дата обращения –28.12.2018).
45. Ingold F.P. Über die seltsame Arithmetik der «russischen Seele». Zwei mal zwei gleich fünf // Neue Zürcher Zeitung. 10.01.2016. [Электронный ресурс] — URL: <http://>

www.nzz.ch/feuilleton/zwei-mal-zwei-gleich-fuenf-1.18674049 (дата обращения — 28.12.2018).

References

1. "Ne veriu! Razgovor s ateistom" na telekanale "Spas" ["I don't believe! A conversation with an atheist" on the TV channel "Spas"]. Telekanal "Spas" URL: <https://m.youtube.com/watch?v=IDnwPZLff1Q> (data obrashcheniia 25.04.2019). (In Russ.)
2. Barsht K. A. *Imia i filosofiiia Nikolia Mal'bransha v chernovykh zapisiakh i proizvedeniakh Dostoevskogo* [The name and philosophy of Nicolas Malebranche in Dostoevsky's drafts and works]. Voprosy filosofii. 2015. № 2. pp. 94–105. (In Russ.)
3. Bubnov E. S. *Evristsicheskoe vliianie etiki F. M. Dostoevskogo na issledovatel'skuiu deiatel'nost' A. Einšteina* [Heuristic influence ethics F. M. Dostoevsky's research activities of A. Einstein]. Innovatsionnoe obrazovanie i ekonomika. 2014. № 16(27). pp. 32–35. (In Russ.)
4. Vinogradov I. A. *Strasti po Gogoliiu. O dukhovnom nasledii pisatel'ia*. [Passion for Gogol. About writer's spiritual heritage] Moscow. Veche Publ., 2018. 320 p. (In Russ.)
5. Goricheva T. *Dostoevskii — russkaia fenomenologiiia dukha...* [Dostoevsky is Russian «phenomenology of spirit»...]. Dostoevskii v kontse XX veka: Sb. statei. Moscow. Klassika plus Publ., 1996. pp. 31–47. (In Russ.)
6. Grigor'ev Ap. *Sochineniia. Vyp. 11. O natsional'nom znachenii tvorchestva A. N. Ostrovskogo: (dve stat'i)* [Works. Vol. 2. About A. N. Ostrovsky's national significance (two articles)]. Moscow. Tip. t-va I. N. Kushnerev i K° Publ., 1915. 61 p. (In Russ.)
7. Gubailovskii V. *Geometriia Dostoevskogo. Tezisy k issledovaniiu* [Dostoevsky's Geometry. The thesis of the study]. Roman F. M. Dostoevskogo "Brat'ia Karamazovy": sovrem. sostoianie izucheniia, pod. red. T. A. Kasatkinoi; In-t mirovoi lit. im. A. M. Gor'kogo RAN. Moscow. Nauka Publ., 2007. pp. 39–69. (In Russ.)
8. *Dvazhdy dva — piat'* [Two times two is five]. Vikipediia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Dvazhd...> (data obrashcheniia 25.04.2019). (In Russ.)
9. Dostoevskii F. M. *Polnoesobr. soch.: V 30 t.* [Full composition of writings] Leningrad. Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
10. Dukkon A. *Dvazhdy dva chetyre ili piat'? Problemy "romantizma" i "realizma" v ponimanii mladogo Turgeneva i Belinskogo*. [Two times two is four or five? The problems of "romanticism" and "realism" in understanding of young Turgenyev and Belinsky] I. S. Turgenyev. Zhizn', tvorchestvo, traditsii. Budapest, 1994. pp. 60–68. (In Russ.)
11. Dukkon A. *Dialog tekstov: "golos" V. G. Belinskogo v "zapiskakh iz podpol'ia" F. M. Dostoevskogo* [The dialogue between texts: Vissarion Belinsky's «voice» in Fyodor Dostoyevsky's «Notes from the underground»]. Kul'tura i tekst. 2013. №1 (14). pp. 4–28. (In Russ.)
12. Egorov B. F. *Slavianofil'stvo, zapadnichestvo i kul'turologiia* [Slavophilism, Westernism and Cultural Studies]. Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta. 1973. Vyp. 308. pp. 268–275. (In Russ.)
13. Esaulov I. A. *Paskhal'nyi arkhetyip v poetike Dostoevskogo* [The Easter Archetype in Dostoevsky's Poetics]. Problemy istoricheskoi poetiki. 1998. № 5. pp. 349–362. (In Russ.)

14. Esaulov I. A. *Postsovetskie mifologii: struktury povsednevnosti* [Post-Soviet Mythology — structure of the everyday life]. Moscow. Akademika Publ., 2015. 608 p. (In Russ.)
15. Esaulov I. A. *Oppozitsiia Zakona i Blagodatii magistral'nyi put' russkoi slovesnosti* [The opposition of Law and Grace and the main path of Russian literature]. Russkaia klassicheskaia literatura v mirovom kul'turno-istoricheskom kontekste. Moscow. Indrik Publ., 2017. pp. 13–42. (In Russ.)
16. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoi slovesnosti* [Paskhal'nost' of Russian Literature]. Moscow. Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
17. Zakharov V. N. *Khristianskii realizm v russkoi literature (postanovka problemy)* [Christian realism in Russian literature (to the problem statement)]. Problemy istoricheskoi poetiki. 2001. № 6. pp. 5–20. (In Russ.)
18. Zakharov V. N. *Skol'ko budet dvazhdy dva, ili neochevidnost' ochevidnogo v poetike Dostoevskogo* [What is Two Times Two? Or When the Obvious Is Anything but Obvious in Dostoevsky's Poetics]. Voprosy filosofii. 2011. № 4. pp. 109–114. (In Russ.)
19. Il'enkov E. V. *Uchites' myslit' smolodu* [Learn to think from an early age]. LitMir: elektronnaia biblioteka. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=121922&p=1> (data obrashcheniia — 28.12.2018) (In Russ.)
20. Kvitka-Osnov'ianenko G. F. *Pan Khaliavskii* [Pan Khalyavsky]. Ch. 1–2, Sankt-Petersburg. Tip. Fishera Publ., 1840. 166 p. (In Russ.)
21. Kuznetsov S. A. *Retseptsiiia russkoi klassicheskoi literatury v nemetskoiazychnykh slavisticheskikh izdaniiax i presse kontsa XX–nachala XXI vekov* [The reception of Russian classical literature in the German-language Slavic publications and in the press of the end of the 20th — beginning of the 21st centuries]. Russkaia klassicheskaia literatura v mirovom kul'turno-istoricheskom kontekste, kollektiv avtorov pod red. I. A. Esaulova, Iu. N. Sytinoi, B. N. Tarasova. Moscow. Indrik Publ., 2017. pp. 385–427. (In Russ.)
22. Losev A. F. *Dialektikamifa* [The Dialectic of Myth]. Moscow. Mysl' Publ., 2001. 558 p. (In Russ.)
23. Meier G. A. *Svet v nochi* (O “Prestuplenii i nakazanii”). *Opyt medlennogo chteniia* [Light in the night (On “Crime and Punishment”). The experience of slow reading.]. Frankfurt/Main: Posev Publ., 1967. 515 p. (In Russ.)
24. Moľer Zh. B. *Sobranie sochinenii: V 4-kh t.* [Composition of writings] T. 2. Moscow–Leningrad. Academia Publ., 1937. 745 p. (In Russ.)
25. Neichev N. *Tainstvennaia poetika F.M. Dostoevskogo* [F.M. Dostoevsky's mysterious poetics]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2010. 316 p. (In Russ.)
26. Nekliudova M. S. *Dvazhdy dva chetyre, ili Matematicheskaia problema v “Don Zhuane” Moľera* [Two times two is four, or the Mathematical Problem in Moliere's “Don Juan”]. Arbor Mundi (Mirovoe drevo). Moscow. RGGU Publ., 2007. № 13. pp. 9–40. (In Russ.)
27. Nikolai Kuzanskii. *Ob uchenom neznanii* [About scientific Ignorance]. Nikolai Kuzanskii. Sochineniia v 2-kh t. T. 1.: Perevod, Obshch. red. Z. A. Tazhurizinoi. Moscow. Mysl' Publ., 1979. pp. 48–185. (In Russ.)
28. Odoevskii V.F. *Prividenie* [Ghost]. Literaturnye pribavleniia k “Russkomu invalidu”. 1838. № 40. pp. 781–784. (In Russ.)

29. Odoevskii V. F. *Russkie nochi* [*Russian nights*]. Leningrad. Izdatel'stvo Nauka Publ., 1975. 320 p. (In Russ.)
30. Odoevskii V. F. *Kosmorama* [*Kosmorama*]. Otechestvennye zapiski. 1840. T. 8. Otd. 3. pp. 34–81. (In Russ.)
31. Oruell Dzh. 1984. Moscow. Progress Publ., 1984. 257 p. (In Russ.)
32. Pogodin M. P. *Vechnoe nachalo. Russkii dukh* [*The eternal beginning. Russian spirit*]. Moscow. Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2011. 832 p. (In Russ.)
33. Pomerants G. S. *Otkrytosť bezdne: Vstrechi s Dostoevskim* [*The openness of the deep: Meeting with Dostoevsky*]. Moscow. Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 384 p. (In Russ.)
34. Solzhenitsyn A. I. *Bodalsia telenok s dubom* [*The Oak and the Calf*]. Paris: YMCA-PRESS Publ., 1975. 630 p. (In Russ.)
35. Sytina Iu. N. *Sootnoshenie Rossii i Evropy kak tsentral'naia problema samorefleksii russkoi literatury v pervoi polovine XIX veka* [*The ratio of Russia and Europe as the Central problem of self-reflection of Russian literature in the first half of the XIX century*]. Russkaia klassicheskaia literatura v mirovom kul'turno-istoricheskom kontekste, kolektiv avtorov pod red. I. A. Esaulova, Iu. N. Sytinoi, B. N. Tarasova. Moscow. Indrik Publ., 2017. pp. 91–140. (In Russ.)
36. Tazhurizina Z. A. *Nikolai iz Kuzy* [*Nicholas from Cuza*]. Nikolai Kuzanskii. Sochineniia v 2-kh t. T. 1. Perevod, Obshch. red. Z. A. Tazhurizinoi. Moscow. Mysl' Publ., 1979. pp. 5–46. (In Russ.)
37. Tarasov B. N. *Kuda dvizhetsia istoriia? (Metamorfozy idei i liudei v svete khristianskoi traditsii)* [*Where Is the Story Going? (Metamorphosis of Ideas and People in the Christian Tradition)*]. Sankt-Petersburg. Aleteiia Publ., 2001. 348 p. (In Russ.)
38. Takho-Godi E. A. *Tvorchestvo A.F. Loseva i literaturno-filosofskie iskaniia V.F. Odoevskogo* [*A.F. Losev's work and V.F. Odoevsky's literary-philosophical quest*]. Literaturovedcheskii zhurnal. 2011. № 28. pp. 113–121. (In Russ.)
39. Tikhomirov B. N. *“Lazar’! griadi von’. Roman F. M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentarii* [*«Lazarus! Come away». F. M. Dostoevsky's «Crime and Punishment» in modern reading: the Book-comment*]. SPb.: Serebrianyi vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)
40. Toporov V. N. *O strukture romana Dostoevskogo v sviazi s arkhaiskimi skhemami mifologicheskogo myshleniia (“Prestuplenie i nakazanie”)* [*On the structure of Dostoevsky's novel in connection with the archaic schemes of mythological thinking (“Crime and Punishment”)*]. Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo. Moscow. Izdatel'skaia gruppa “Progress” — “Kul'tura” Publ., 1995. pp. 193–258.
41. Turgenev I. S. *Sobr. soch.: V 12 t.* [*Composition of writings*] Moscow. Nauka Publ., 1978–1982 (In Russ.)
42. Foma Akvinskii. *Summa protiv iazychnikov* [*Programming against the pagans*]. Kniga vtoraiia. Perevod i primechaniiia T.Iu. Borodai. Moscow. Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., 2004. 584 p. (In Russ.)
43. Shestov L. *Kirgegard i ekzistentsial'naia filosofii (Glas vopiiushchego v pustyne)* [*Kirgegard (Kierkegaard) and existential philosophy. Voice crying in the wilderness*]. Moscow. Progress — Gnozis Publ., 1992. 311 p. (In Russ.)

44. *Tsitaty i vyskazyvaniia Dzhordzha Eliota* [George Eliot's Quotes]. Tsitaty i aforizmy. URL: <http://citaty.su/citaty-i-vyskazyvaniya-dzhordzha-eliota> (data obrashcheniia — 28.03.2019). (In Russ.)

45. Ingold F.P. Über die seltsame Arithmetik der «russischen Seele». Zwei mal zwei gleich fünf // Neue Zürcher Zeitung. 10.01.2016. URL: <http://www.nzz.ch/feuilleton/zwei-mal-zwei-gleich-fuenf-1.18674049> (data obrashcheniia — 20.04.2019)